

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
25 (88)

КУЛЬТУРА
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
ДРЕВНЕГО
И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО
ВРЕМЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1974

**ПУТЕШЕСТВИЕ И. Ю. КРАЧКОВСКОГО
НА БЛИЖНИЙ ВОСТОК
(1908—1910 гг.)¹**

Арабист Игнатий Юлианович Крачковский, будущий академик, через два года после окончания университета в Петербурге был отправлен для усовершенствования в Сирию. 22 июня 1908 г. он выехал из Петербурга в Одессу, 25-го — из Одессы в Константинополь; при входе в Босфор около Буюк-Дере пароход простоял 5 час. из-за тумана; потом открылись живописные, гористые берега Босфора со средневековыми замками на европейском и азиатском берегах.

В Константинополе в сопровождении гида он осмотрел Галатскую башню, мечеть Кахрие Джами с византийскими мозаиками, янычарский музей, где хранятся доспехи; в одной из окрестностей, Селихтар, где бывали гулянья турок, слушал народную музыку, ел местное кислое молоко и видел прогуливающихся турок и турчанок.

Константинополь произвел на Крачковского сильное впечатление. Затем И. Ю. сходил на берег в Митилене, Смирне, осматривал городки и полуразрушенные крепости. На пароходе оказалось несколько арабов, негр из Неджда, левантинцы, немцы. На 11-й день морского пути, 5 июля, Крачковский прибыл в Бейрут. Путевые наблюдения заносились им под непосредственным впечатлением кратко в дневник. Разнообразные заметки касаются городов и селений, природы, климатических явлений, населения и его основных занятий (земледелие, торговля, промышленность); он писал о средствах сообщения, календаре и валюте, бытовых условиях, обрядах, о своих экскурсиях.

Бейрут не произвел на Крачковского приятного впечатления: «Слишком сильна в нем европейская цивилизация. . . ; костюмы от европейских отличаются только феской. Наряду с этим улицы имеют самый ужасный вид: без всяких названий, без номеров домов, так что отыскать кого-нибудь при непривычке — сущее наказание. Прибавить к этому жестокою известковую пыль, и картина будет полная. . . без извозчика при здешней пыли, превращающейся в грязь после поливания, и при незнакомстве с городом никак нельзя обойтись» (письмо Ю. Ю. Снитко 8—9 VII 1908). «У здешних извозчиков (кажется, только частных) гудки, как у автомобилей; вообще курьезно видеть, начиная с Константинополя. . . исключительно пароконные экипажи» (Дневник, 9 II 1908).

10 июля И. Ю. перебрался в горы, остановился в запущенном монастыре Мар Илйас около сел. Шувейр, вставал и ложился рано. О режиме он писал в августе сестре: «К пище здешней помаленьку привык. . . На

¹ Доложено на заседании Географического общества под председательством А. И. Андреева 15 марта 1957 г.

первых порах казалось довольно чудно почти полное отсутствие мяса и масса всяческой зелени. Утром — часов в 7 — здесь полагается завтрак, состоящий у меня из молока со здешним хлебом — лепешками. . . Около часу завтрак, обыкновенно из блюд двух, одним из коих является неизменно рис, вторым — какая-нибудь зелень: или вареная фасоль, которую я тоже очень уважаю, или фаршированные рисом баданджани (баклажаны), или так же изготовленная „куса“ (фаршированный кабачок), коей терпеть не могу, или салат из огурцов с помидорами. Такой же состав обеда — часов в 8 вечера. Иногда появляется мясо в виде неизменной „куббе“ (жареные шарики из мяса) двух сортов: или просто тертого сырого мяса с какой-нибудь приправой, или его же прожаренного наподобие наших котлет, только полых внутри. Бывает мясо и другого вида: вареное, обмазанное сухарями и маслом, а затем прожаренное. В виде десерта и за завтраком, и за обедом, конечно, фрукты: обыкновенно арбуз; на этих днях (около 6 августа) поспел виноград, бывают груши и яблоки (и те, и другие хуже наших). Очень вкусная штука — тутовые ягоды, которых тоже не мало. С удовольствием попиваю здешнее вино — „лебид“, здешней водки — „арака“, которая при смешении с водой принимает молочный цвет, — не перевариваю.

Изготавливают все здесь страшно грязно, и спасает меня только полное отсутствие брезгливости. . . Вся европейская амуниция в виде ножей, вилки и тарелок появилась, конечно, только ради меня. О мытье последних в горячей воде здесь представления не имеют; равным образом не принято их выгирать; . . споласкивают в воде и потом ставят доньшком вверх „сушиться“ . . .

Пропорционален этому и характер изготовления кушаний: жуешь иной раз фаршированный баданджан и вдруг вытаскиваешь изо рта грязную тряпку, которой кухарка для крепости его связала. Достаточно посмотреть на монастырскую кухарку, чтобы получить представление о качестве той тряпки, которую она решила пожертвовать для баданджана!

Расположен монастырь на вершине горы и со всех сторон окружен горами, постепенно опускающимися к западу — в сторону моря и Бейрута и поднимающимися к востоку, где видна высшая точка — гора Саннин, с вершиной, покрытой вечным снегом» (письмо Ю. Ю. Снитко 6 VIII 1908).

Из Мар Илйаса Крачковский совершал постоянно пешие прогулки: в Шувейр (полчаса ходьбы), в Бикфейю за письмами (часа 1½ в один конец), такое же расстояние до Втегрин, к источникам, в деревушку Абу Мизан, в горы. «На этих днях в компании нескольких бтегринцев думаю подняться на Саннин; хотим проделать сие пешком, так что потребуются дня два. . . шоссейные дороги здесь отличны, а к горным пешеходным тропинкам нужно привыкнуть, чего я, кажется, достиг. Только при знакомстве с последними я нашел объяснение тому количеству хромых среди местного населения, которое меня поразило в первый же день после приезда».

Около источника 'Айн ас-Сарфад П. Ю. обдумывал научные темы. Красота источника привлекала и местных жителей: тут праздновались, например, крестины «одного новоявленного шувейрита» (Дневник, 27 VII 1908).

В районе Шувейра было много христиан, а в североливанской области Кура, где Крачковский провел лето 1909 г., — сплошь православное население. «Народ здесь в общем приветливый: придешь куда-нибудь — моментально появляется какой-то прохладительный фруктовый напиток (обыкновенно очень вкусный), а через некоторый промежуток за ним следует кофе». Обряды в дневнике не описаны, отмечено, что крестины, свадьба, похороны мало отличались от наших. По поводу похорон сказано только: «Сел в лужу жестоко: после шербета ляпнул „д'айман“ (т. е. 'всегда!')»

вместо „Аллаху йархам“ (‘да помилует Аллах!’), сказав, таким образом, скверный каламбур» (Дневник, 11 VII 1908).

Две зимы — 1908/09 и 1909/10 гг. — Крачковский прожил в основном в Бейруте, в доме швеи, вдовы ‘Абд ал-Джелил. «Дом ее. . . недалеко от Университета, а так как ни названий улиц, ни номеров здесь не имеется, то желающим попасть ко мне приходится объяснять по-гоголевски: „около Ясуыйе. . . в улице каретника Нули Шагйна напротив дома Йусуфа Табита (=местный богач)“. Комната у меня приличная, в два окна: одно — в палисадник, другое — на улицу. Обстановка самая примитивная: стол, кровать (какой-то странный по здешним обычаям трон с пологом)² и стулья. Плачу я за это удовольствие с утренним завтраком, со стиркой, с освещением 40 франков. Пропитание приходится брать в одном ресторане, откуда мне около полудня приносит один араб завтрак и обед; завтрак бывает горяч, а обед я разогреваю на спиртовке, купленной здесь за 4½ пиастра (=36 коп.) [по тогдашнему курсу]. Еда пока что довольно приличная. . . Семья хозяйки состоит из нее самой — свирепого вида арабки лет за 50, четырех дочек в возрасте от 30 до 16 лет (Ситт Назли, Марьям, Варда и Ферида) и сына — молодого человека моих лет — владельца маленького магазинчика на рынке. На днях сей тип отстрелил себе два пальца на охоте, и теперь мне волей-неволей приходится помогать доктору при перевязках, ибо девицы вместо помощи орут в пять голосов на весь Бейрут. Занятие не особенно веселое; утешаю себя мыслью о том, что для практики в языке полезно ознакомиться со всеми сторонами жизни» (письмо 14 IX 1908).

Дополнением к описанию квартиры в Бейруте служат строки, посвященные домашней стирке и баням.

«Моют здесь белье дома, для какой-то цели приглашается некая арабка — Фатима, пользующаяся своим пребыванием в христианском доме, чтобы не исполнять положенного поста в рамадан. Я ей доказываю, что вот ужó на том свете черти припекут. Моет довольно скверно, и особенно неприятен был на первых порах здешний обычай не гладить белье. . . плата идет в счет квартиры. При всем том здешняя стирка — перл создания по сравнению с ливанской: можешь себе представить, что там имеют обыкновение мыть в холодной воде!

С банями тоже обстоит дело не лучше; они, конечно, существуют, так как и наши бани ведут свое начало с востока, но с нашими идти в сравнение не могут не только по удобствам, но даже по элементарной чистоте. Отдельных ванн не имеется, и поэтому к вечеру грязища страшная. О пятнице, когда мусульмане, пользуясь праздником, усиленно моются, и говорить нечего. Все бы это еще не беда, но горе в том, что нет определенных дней для мужчин и женщин. Так как мусульманкам делать нечего, то они полжизни проводят в бане, устраивая из нее свой клуб, и экспроприируют сие учреждение дней на 5 в неделю. Сплошь да рядом поэтому приходится гулять понапрасну и, узрев повешенное перед входом полотенце (иных признаков присутствия внутри «дам» не имеется), возвращаться не солоно хлебавши. . .» (письмо 28 II 1909).

В иную обстановку Крачковский попал 28 июня 1909 г. в приморском городке Мина около Триполи, она описана в письме: «. . . перебрался в пустующий за легким отсутствием хозяев дом, какой и предоставлен в мое распоряжение со всеми гостиницами, фонтаном, садиком и пр. Единственное живое существо здесь — старуха-прислуга, охраняющая дом. Она очень быстро усвоила по отношению ко мне начальнический тон и ругательски ругает, если я поздно возвращаюсь домой. . . Комната во втором этаже,

² Так называемая мустикъера (для защиты от москитов и комаров) из кисей, края которой подтыкают под матрац.

по счастливой случайности не на солнечной стороне, так что можно заниматься „с прохладной“, а то в Бейруте, даже сидя на месте, приходилось постоянно менять рубахи. . . Под окном моим в палисаднике растет олеандр величиной с хороший дуб. (Может быть, и есть на свете те развесистые кюквы, про которые говорят иностранцы). Теперь он как раз в полном цвету, и, глядя на него, мне как-то не верится в существование наших комнатных олеандров — карликов» (письмо 28 VI 1909).

Четвертый пункт, где Крачковский прожил второе ливанское лето — Амиюн, — сильно отличался и с бытовой стороны, и по окружению от трех предшествующих: «Свои мысли о странствовании по северной Сирии и горам Носейритов пришлось оставить, так как по нынешним временам ездить там без каваса³ или солдат совсем невозможно. . . Таким образом, этим летом я ограничусь северным Ливаном, который интересно будет сравнить с южным, изученным уже в прошлом. Моей постоянной квартирой я избрал село Амиюн (часах в 5 к югу от Триполи), а отсюда уже буду совершать более или менее продолжительные экскурсии. . . Здесь я. . . снял в пустующем доме верхний этаж из двух меблированных по-восточному комнат, с громадной террасой и с чудным видом во все стороны. . . Самое место, пожалуй, даже лучше прошлогоднего: Амиюн расположен на невысоком хребте одного из Ливанских отрогов, по обе стороны которого раскинуты долины с богатой зеленью, так редкою на Ливане. Одна из этих долин расстилается и теперь перед окном, у которого я сижу; на ней разбросаны густо деревушки; долина кончается рядом холмов, опоясывающих Средиземное море. Немного левее виднеется комично круглая шапка горы Турбуль, у подножия которой расположен Триполи. Долина между холмами и Турбулем широкой полосой спускается к берегу, и по вечерам там можно рассмотреть море, которое я особенно начинаю любить за то, что по нему можно уехать в Россию. . . Воздух, конечно, чудесный, и жаров особых нет. Очень хорошо и то, что в Амиюне совсем нет дачников из Египта и городов». «Места в общем значительно суше тех, где я странствовал в прошлом году, но народ столь же симпатичен. . . С едой по обычаю устраиваться труднее, потому что здесь, как и на южном Ливане, совсем не в обычае брать нахлебников. . .; согласился давать мне полный пансион один из здешних учителей тоже за очень умеренную плату — 20 франков (ок. 8 рублей) в месяц. . . постоянным спасением являются чудесный виноград, довольно разнообразные фрукты и молоко».

«Пребывание здесь очень полезно не только для здоровья физического, но и для кармана. . . : за помещение я плачу в месяц 1 меджиди (ок. 1 р. 60 к.), за полный пансион — французскую лиру (=20 франков=ок. 8 руб.)» (письма 15 и 18 VII 1909).

Из Амиюна Крачковский тоже совершал ближние прогулки и дальние экскурсии: в местечки Кусба, Дума, в заповедник ливанских кедров, в недалеко находившийся монастырь Хама-Тура, на гору к Каср Накус, «кажется до сих пор неизвестному никому», в Мар-Ханна, Бшарре, в Бельмент.

Первая экскурсия этого лета продолжалась около недели. В Думу «езды около 5 часов, часть дороги прилична, но другая совсем убийственна — сплошная лестница в гору, и как по ней лошади поднимаются — прямо непостижимо.

Виды по обычаю очень интересные, подъем и спуск через горный хребет; местность не очень пустынная, а внизу на реке у деревни Кфер Хульда зелень даже роскошная» (Дневник, 24 и 27 VII 1909).

Одинаково трудными оказались подъем и спуск в монастырь Хама-Тура: «Много я по горам лазил, можно сказать, но такой слоновой дороги

³ Қаввас — стражник при русском консульстве или посольстве.

еще не видывал! Монастырь собственно не далек: всего час спуск к реке, да час подъем на противоположную гору, но зато при спуске буквально нужно садиться на землю, а при подъеме ползти на всех четырех. . . , ругая ветер в ущелье, который чуть не отрывает от скалы, и прислушиваясь к реке, которая очень поэтично шумит внизу. . . При всей привычке я на другой день не мог разогнуть ног.

Чудные виды искупают всё, а сам монастырь прямо-таки высечен в скале и представляет просто шедевр архитектуры. Мерзость запустения в нем страшная: все монахи исчерпываются одним глухим настоятелем. Грязь убийственная, и, посмотрев на матрацы для посетителей, затканые мирно черными пауками, мы предпочли, несмотря на усталость, вернуться тем же путем домой. По дороге один из учителей говорил ядовитые слова на ту тему, что хорошо, вот, тому, кто одинок, а человеку семейному перед такой прогулкой завещание надо писать!» (письмо 31 VII 1909; Дневник, 22 и 24 VII 1909).

Экскурсия в Бельмент была совершена пешком. Крачковский пробыл там два дня. «Местность опять-таки очень интересная; вид на море с очень широким горизонтом, вдали Триполи с одной стороны, Энфе — с другой» (Дневник, 6 VIII 1909).

Подробнее Бельмент описан в письме: «Если бы пароход. . . из Сирии в Россию шел не прямо на Смирну, а как бывает обыкновенно — на Триполи, то, не доезжая до последнего, приблизительно в часовом расстоянии Вы увидали бы возвышающуюся над морем гору с покрытым лесом скатом, почти на самой вершине которого красуется нечто вроде замка, очень изящного и чистенького (издали). В старину здесь и был замок; самое название без труда показывает, что первыми, оценившими красоты местоположения, были не арабы (Бельменд=италианское *Bella Monte*) и в давние времена здесь была резиденция одного из влиятельных князей крестоносцев (чуть ли не Ричарда Львиное Сердце). Место, действительно, заслуживает своего названия, а я за три недели так соскучился по морю, что, увидав его вблизи, пришел совсем в дикий восторг. . . Благодаря очень высокому месту море поражает широтой своего горизонта, так как здесь оно видно чуть не до Кипра; справа на далеком мыске белеесть Триполи, производящий отсюда такое же впечатление, как. . . вид Бейрута с дамасской железной дороги. . . . Являясь своего рода центром, бельмендский монастырь производит не такое убогое впечатление, как другие учреждения этого рода в Сирии. . . . Забрался я в него по обычаю ради рукописей» (письмо 6 VIII 1909).

7 августа Крачковский со спутниками выехал верхом к кедрам ливанским, через Кусбу, Тирзу, Хадес, Бдиман и Хасрун «с массой зелени. У кедров были в 12 часов, просидели часа три и двинулись обратно через Бшарре, напоминающую Хасрун, в Эхден» (Дневник, 7 VIII 1909).

В заповедную рощу кедров вместе с провизией был привезен спелый арбуз. Его положили на солнцезеке, а когда он хорошо нагрелся, бросили в горный ручей; от ледяной воды арбуз раскололся без участия ножа.

Поездку в заповедник, который находился «приблизительно в дневном расстоянии от Амиюна, недалеко от одной из главных вершин Ливана», Крачковский считал особенно интересной: «Дорога почти все время идет вверх; чем выше — тем больше горных речек, больше воды, а значит, и больше зелени, которой вообще Ливан не избалован. Но благодаря высокому месту здесь зелень не столько южная, сколько средней полосы. Масса серебристого тополя, и, может быть, поэтому одна деревня со своими чистенькими мазанками, через которую мы проезжали при лунном свете, очень напомнила мне Малороссию. Конечно, для полного сходства надо было бы убраться горы.

У самих кедров, несмотря на безоблачное небо, в тени холоднее, чем в Питере (высота более 2000 фут), а на соседней горе лежит вечный снег. Слазили и на эту гору; с нее вид на всю Сирию, почти вплоть до долины истоков Иордана» (письмо 14 VIII 1909).

После поездки к кедрам Крачковский «только однажды выбрался сравнительно дальше в некий монастырь. . . , расположенный к югу области на „Ореховой реке“ (Нахр ал-Джауз) и именуемый Кефтун. Путешествие проделал пешком без удовольствия. . . Сама река не пересыхает и летом, что представляет в Сирии довольно редкое явление; воды в ней, конечно, как кот заплакал, но ее серьезность необычайная: и шумит, и бежит, как будто и впрямь дело делает. Зелени, как и всегда при малейшем намеке на воду, — масса; особенно хороши сугубо мной любимые кипарисы и серебристые тополи» (письмо 1 IX 1909).

Окрестности к югу и северу от Бейрута Крачковский исходил по воскресеньям в осенне-зимние месяцы.

16 января 1909 г. «против всякого ожидания открыл чудный вид и так и просидел перед ним до полудня, сожалея только об одном, что я не поэт, чтобы передать должным образом сию картину. . . : море подходит к берегу овалом, и перед ним расстилается песчаная равнина, плоская-плоская, так что так и кажется, что ее сейчас зальет. Направо овал кончается невысоким мысом, где начинается загородная часть Бейрута с очень приветливо выглядывающими издали белыми домиками. Налево, тоже в конце овала, — песчаная скала, около которой волны особенно сердито рокочут, а за ней вдали синее прибрежная подернутая туманом полоса Ливана, где чуть заметны разбросанные селения. За ней же постепенно громоздятся горы, заканчивающиеся белым, чистым-чистым хребтом, чудно выглядящим на солнце: А прямо во всю ширь море, темно-синее море. Под ногами с глухим рокотом разбиваются волны: начинается прилив, и они забегают все дальше и дальше. Едва успеет одна отбежать, с нею сталкивается с шумом плывущая из моря, и первая, подняв к небу столб брызг и пены, опять вместе со второй мчится на долину.

А у скалы — там уже не рокот, а издали доносящийся грохот: те волны точно сердятся, что им нельзя разбежаться по долине и понежиться на песке.

Вдали же на море видны наклонные крылья парусных барок, и кажутся они плывущими по волнам белыми перышками.

А главное, кругом ни единой живой души: сиди, сколько хочешь, никто не остановится глазеть на чудного франджа.⁴

В доказательство, что у нас цветут розы, посылаю один лепесток. Жаль только, что ко времени приезда в Петербург он утратит свой аромат» (письмо 16 I 1909).

Итог летним маршрутам по Ливану Крачковский подвел в письме 14 августа 1909 г.: «Всю эту область Ливана я обследовал в трех главных направлениях: на юг (вплоть до местечка Дума), запад (монастырь Бельменд и море) и восток (м. Бшарре, кедры и гора Дагр ал-Кадиб — высшая точка Ливана здесь). Все сие проделал частью пешком, частью верхом; несмотря на всю мою нелюбовь к этому спорту, пришлось пожертвовать собой и с большой солидностью упражняться в гарцевании по здешним дорогам. Аллаху помогающе, все обошлось без поломки голов или других менее существенных членов».

За месячное пребывание в Египте (22 III—21 IV 1909) Крачковский успел подробно осмотреть страусовый питомник, зоологический сад, музей египетских древностей, памятники средневековья в Каире, зна-

⁴ Так арабы называют европейцев (от франков).

менитые мечети, мавзолеи, цитадель и древнеегипетские памятники в Александрии, у Гизе, в древнем Мемфисе, Гелиополисе, совершить несколько прогулок по окрестным полям и паркам. Вторая поездка в Египет в конце 1909—начале 1910 г. была посвящена по преимуществу научным занятиям. Обе они дали возможность познакомиться с египетскими арабами и выяснить особенности их типа, их языка по сравнению с сирийским диалектом. В Сирии и Ливане для наблюдений времени было больше, поэтому они шире, но в дневнике не систематизированы, а вкраплены рядом со сведениями о торговле и промышленности, политике и т. п. Один из примеров — сообщение о головных уборах в Сирии в 1908 г.: «Из патриотизма хотели бойкотировать австрийские товары, но сие дело едва ли выгорит. Не обошлось и без курьезов: в числе продуктов, изготовляемых в Австрию, оказались, между прочим, и фески — отличительный признак представителя османской нации! Подумала, подумала публика — решила их было заменить „кабáками“ — старинным головным убором вроде клобука, но очень уж большим анахронизмом показалось. На том дело остановилось, и фески по-прежнему приходят из бойкотируемой Австрии. Здесь лишний раз сказалась полная неспособность сирийцев обойтись без Европы: насколько развита у них торговля, настолько же поражает полное отсутствие обрабатывающей промышленности. Достаточно, например, сказать, что нет посудных фабрик, нет ножевых, до последнего времени не было мебельных и т. д. Базары занимают целые кварталы: некоторые магазины равняются нашему Пассажу и ведут торговлю чуть не со всем миром. Хотя на базарах и сохраняется деление по цехам, но внутри смешение полнейшее: наряду с магазинчиком офранцузенного воспитанника иезуитского коллежа — лавчонка сапожника грека, у которого никто, кроме матроса, не покупает. . . Напротив них степенно тянет кальян в своем галантерейном магазине мусульманин из 1001 ночи и т. д. . . . Одна фирма — Орозди-Бак — чуть ли не самая главная. Несказанно был поражен, увидав на одной из улиц целый ряд русских вывесок: Штейнгоф, Березанский и пр. Оказалось. . . польские евреи, выселившиеся из России лет 10 тому назад. Много, конечно, имеется французов, итальянцев и пр. Одним словом, торговлей только и живут, о ней одной разговоры только и слышны» (письмо 11 X 1908).

И в Ливане среди арабов Крачковский встречал то поляка, то серба, а в Бейрутском университете слушал лекции вместе со славянином Шимичем.

Как торгово-промышленный город описывал Крачковский и Александрию: «Александрия в противоположность Каиру нудный город; Восток и следов ни малейших, умственной жизни никакой: торговля, биржа и кафешантаны. Даже газетами питаются каирскими» (письмо 15 I 1910).

Сельское население в Сирии, писал Крачковский, культивирует «почти исключительно тут — в целях шелководства, которое здесь развито в громадных размерах». Население в начале XX в. предпочитало «каменные работы благодаря массе дарового материала и отхожие промыслы, вплоть до эмиграции в Америку. Земледелие в большом количестве по условиям почвы невозможно; садоводство и огородничество процветает; с первым связано виноделие, находящее сбыт продуктов даже в Европе» (письмо 6 VIII 1908). В приморском городке Мина развито рыболовство (письмо 28 VI 1909).

В феврале 1908 г. Крачковский познакомился с садами в Мине (у Триполи); в марте 1910 г. — со знаменитыми садами цитрусовых у Яффы. «Русский сад» (иерусалимской духовной миссии) — «громадный, апельсины теперь в полном цвету, и понятно, что мне оттуда совсем уходить не хотелось, так как такое количество зелени в Сирии редко когда попадает» (письмо 24 III 1910).

Экскурсии для осмотра Иерусалима и его окрестностей пешком и частью верхом на ослике Крачковский совершал в конце марта и апреле 1910 г. 29 апреля он осматривал монастырь Онуфрия, Силоамскую купель, Гефсиманию, Вифлеем, монастырь св. Саввы на бесплодных скалах у вади ан-Нар, был у источника 'Айн Карим и др. «Расстояния здесь удивительно маленькие: из Иерусалима до Иерихона — четыре часа, оттуда к Мертвому морю — полтора, к Иордану — час и обратно — час» (Дневник, 30 III 1910). Маршрут в Иерихон кратко описан на 10 открытках с видами пройденного пути: «Вчера (=30 марта 1910 г.). . . проделал совершенно неожиданно для себя большую экскурсию в Иерихон и к Мертвому морю». Первая открытка «представляет ручеек, из которого, по преданию, пили апостоль». Вторая изображает «кафе ровно на полпути к Иерихону. . . Легенда связывает его с притчей о добром самарянине. Через час пути по левую руку открывается ущелье», где находится монастырь св. Илии, который виден с дороги. «Потом по правую руку открывается чудный вид на Иорданскую долину. . . Через четыре часа привозят в Иерихон и демонстрируют настоящий ручей, по преданию превращенный из соленого в пресный пророком Елисеем. . . После маленькой передышки в Иерихоне везут к Мертвому морю, которое отстоит часах в полтора. Вид оно имеет не вполне похожий на настоящий (со спокойной поверхностью на открытке!), так как далеко не спокойно, а бушует, как и всякое другое, но вкус имеет гораздо более горько-соленый, чем все мною „пробованные“. Оттуда через час доставляют к Иордану. . . Оттуда опять возвращаются в Иерихон, где приходится ночевать. Самый городок. . . имеет жалкий вид и состоит из нескольких десятков бедуинских домишек и двух-трех отелей для „кукистов“.⁵ Вид его снят с террасы русского подворья, на котором я останавливался и ел курицу. На другой день тем же путем возвращаются в Иерусалим. По дороге в общем чудные виды. . . Иногда по пути попадаются, конечно, и однообразные пейзажи».

Крачковский видел в Палестине христианские пасхальные обряды при громадном стечении народа, «ходил смотреть мусульманскую процессию по случаю праздника Неби Муса»,⁶ а в Назарет ему пришлось отправиться из Иерусалима с большим караваном паломников под эскортом, «так как пускаться сухим путем в Назарет не вполне безопасно» (письмо 17 IV 1910).

Пятидневный переход из Иерусалима в Назарет совершался верхом. С ночлега караван снимался затемно, чтобы избежать переходов в жаркие дневные часы; на небе сияла чудно видимая комета Галлея.⁷

Из Назарета Крачковский поехал со спутниками⁸ в Тивериаду, оттуда — в Капернаум и Магдалу, на Генисаретское озеро и по железной дороге в Хайфу. «Здесь пробыли два дня и были бы совсем благодущны, если б не ужасные комары, от которых у меня все лицо покрылось кровавыми подтеками (буквально), и две ночи провели без сна. В Хайфе сделали визит к главе мусульманской секты бабидов, и старичок настолько расчувствовался, что дал нам специального провожатого в его сады в Акке. . . Я прямо-таки не мог верить, что вижу все это наяву: реки текут по выложенному мрамором руслу, фонтаны со световыми эффектами, о цветах уж и не говорю — одно волшебство! Характернее всего, что все содержится лишь из любви к красоте, так как доходу не приносит никакого» (письмо 14 V 1910).

⁵ Группы туристов под руководством агентства Кук.

⁶ Наби Муса — пророк Моисей (Дневник, 8 и 9 IV 1910).

⁷ См.: В. А. Крачковская. И. Ю. Крачковский на Ливане и в Палестине (1908—1910 гг.). Палест. сборник, вып. 1 (63), 1954, с. 118—119.

⁸ Учительница Назарете К. Оде и писатель А. М. Федоров.

По дневникам и письмам получается довольно полное представление о климате Сирии и Ливана. В первое лето жара вызывала головную боль, но через полтора месяца путешественник сообщал, что прилично переносит жару; заметил, что в Сирии, как и в Стамбуле, среди мужчин распространены зонтики: «. . . днем даже и простой мужик выходит не иначе, как с ним. Зовутся они красивым словом — шемсийе — буквально „солнечник“» (Дневник, 20 VIII 1908).

Приближение осени на Ливане знаменовалось страшными туманами и сыростью, от которой ломило ноги и руки (Дневник, 20 IX 1908). В Бейруте жара спала в конце сентября, по ночам выпадали дожди (письмо 28 IX 1908). Зимний сезон в горах у Амиюна начался грозой и ливнями; до 12 сентября гроза была два раза, что обещало раннюю зиму (письмо 1 IX 1909). Дожди разводили ужасную грязь на улицах Бейрута. Крачковский жаловался на холод 8 ноября: «. . . жестоко мерзну. . . Недели две лил дождь с такими грозами, что даже я от неожиданности привскакивал, просыпаясь ночью от грома. . . Теперь погода более ясная, но холодно. . . конечно, не по нашим понятиям, так как температура +7—10, но если в комнате так же тепло, как на дворе, да при том дует со всех сторон, то. . . приходится зябнуть» (письмо 8 XI 1908). «Настоящее письмо пишу в пальто, в комнате стоит жаровня с углями, а ноги водружены на скамейку и закутаны самодельными коврами, каковые пожертвованы сердобольными швеями, никак не могущими понять, отчего я — Мыскоби⁹ из страны холода — и мерзну больше их. Говоришь им десять раз, что у нас топят комнаты, но ум их никак не может сего постигнуть» (письмо 22 XI 1908).

В конце ноября, в сезон ветров, стали запаздывать пароходы. Срывало крыши. Нельзя было совершать воскресные прогулки. Погода была неустойчивая: «По-прежнему дивлюсь здешней зиме, которая ничем не отличается от лета, кроме резких перемен. Позавчера, например, около полудня продолжалась такая гроза с ливнем, что. . . все улицы превратились в настоящие реки, прекратилось всякое сообщение, размыло несколько домов (так!), разнесло массу пожитков и даже унесло в море двух арабов, одного вместе с его столиком менялы и вместе с деньгами. Прошли, однако, каких-нибудь два часа — и ни о чем происшедшем нельзя было догадаться, кроме разве более чистого вида улиц да куч песка на площадях. Вчера же опять безоблачное небо, летнее солнце, жарисься в одном пиджаке, а в палисаднике расцветают розы, которые только и цветут здесь на рождество, в декабре и январе. О снеге, конечно, нет и помину; говорят, и никогда не бывает. Знают его только по горам, на которых теперь серебристая белизна спускается все ниже к морю. Горожане никак не могут мне поверить, когда я говорю, что у нас по снегу не только ходят, но и ездят. Курьезная страна. . . и не может примириться с ней русское сердце!» (письмо 19 XII 1908).

Наступал новый, 1909 год. «Ночь была чудная, темная, как на юге, и такая теплая». Крачковский «писал с открытым окном, в которое доносился аромат цветущих роз и созревших апельсинов» (письмо 3 I 1909).

В конце февраля начало подпекать; к середине марта дул сирокко; в конце апреля в Иерусалиме было +64°, а в Бейруте — лето (Дневник, 18 и 20 V 1909).

За время пребывания Крачковского в Сирии в Бейруте дважды вспыхивала чума; один случай произошел как раз тогда, когда Крачковский в конце ноября 1909 г. собирался вторично в Египет. Пароходы задерживались из-за карантина. Пассажиров не спускали на берег (письмо 7 XII 1909).

⁹ Мыскоби, т. е. москвич, нарицательное, вместо «русский».

Крачковскому с первых же шагов в новой стране пришлось осваиваться с разнообразными монетами в Сирии, а потом и в Египте. На первых порах справиться при расчетах было трудно, но потом он выручал с легкостью русских, с которыми столкнулся на конгрессе историков в Египте. Пожалуй, еще сложнее, чем денежные расчеты, были календарь и счет времени. 28 сентября 1908 г. Крачковский дал следующие разъяснения: «Преобладает новый стиль (конечно, с местными названиями месяцев), так называемый „гарби“ (западный); им руководствуются все иностранцы и арабы марониты и католики. У православных в ходу старый стиль — „шерки“ (восточный); у мусульман опять свой — по лунным годам от хиджры. В результате во всех официальных бумагах, газетах и прочем выставляют три даты: таким образом, сегодня (т. е. 28 сентября) 14 и 27 эйлюля 1908 года = 2 рамадану 1326 года. Вообще же путаница получается изрядная, вроде как и с деньгами, где курсируют золотые монеты всех европейских держав и очень мало турецких». «Посылаю листик того [календаря], по которому я теперь живу. . . сверху направо мусульманский стиль (21 Зул-хиджже 1326 года), налево — старый стиль (31 Кануна первого = декабря 1908 г.), внизу направо — новый стиль арабский (13 Кануна второго 1909 г.), налево то же по-европейски (13 января). Можно только удивляться, как легко с этой абракадаброй справляется здешняя публика, так же, впрочем, как с их возмутительно путанными деньгами. То же самое ведь и с часами: арабский счет от восхода солнца и европейский — с полуночи» (письмо 3 I 1909).

Весной 1909 г. Крачковский провел 3 дня в Дамаске. В конце пребывания на Ближнем Востоке Крачковский съездил вторично в Дамаск (20—29 мая 1910 г.), побывал в Алеппо, Хама и Хомсе и вернулся в последний раз в Бейрут через Триполи. Бейрут он покинул окончательно 2 июля 1910 г., а 16 июля возвратился в Петербург.

За два года пребывания на Ближнем Востоке Крачковский особенно хорошо ознакомился с Сирией и Ливаном. В его письмах и дневнике отмечено более 130 названий городов, селений, гор, источников и рек, которые он посетил, а все разъезды по Сирии, Палестине и Египту составляют около 2500 километров, не считая переезда Петербург—Бейрут и обратно.

Пребывание на Востоке оставило яркие воспоминания у Крачковского, он крепко полюбил арабов и твердо верил в их будущее.
